

Кравченко С. А.

«НОРМАЛЬНАЯ АНОМИЯ»: ПРОИЗВОДСТВО «НИЧТО»

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 15-06-04266

Кравченко Сергей Александрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО-Университет МИД РФ). Россия, Москва, 119454, проспект Вернадского, 76.
Главный научный сотрудник, Институт социологии РАН. Россия, Москва, 117218, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5.

E-mail: sociol7@yandex.ru

Тел: +7 (495) 434 94 26

Аннотация. В статье обосновывается идея переоткрытия аномии, что связано с изменением его содержания и характера под влиянием ускорения и усложнения социо-культурной динамики, становления сложного социума. Согласно взглядам американского социолога Дж. Ритцера, глобализация «ничто» способствует утверждению конца нормативной определённости. Показываются конкретные проявления нормальной аномии в виде не-мест, не-людей, не-вещей и не-еды, не-услуг, не-знания и не-событий, что выражается в отсутствии их социальной и культурной специфики. При этом в современном глобальном мире есть силы, поддерживающие жизненность «нечто» в виде самых разных социальных и культурных форм. Как правило, эти формы сохраняются благодаря процессу глокализации. Для анализа как «ничто», так и «нечто» востребован интегральный теоретико-методологический инструментарий, основанный на синтезе разных парадигм.

Ключевые слова: аномия, «нормальная аномия», глобализация, «ничто», не-место, не-люди, не-вещи, не-еда, не-услуги, не-знания, не-события.

Ранее нами были сформулированы контуры концепции «нормальной аномии», отражающей реалии сложного общества, под которой мы понимаем *«расширяющуюся совокупность уязвимостей для социума в виде побочных эффектов инновационной, рационально-прагматической деятельности Человека»* [Кравченко, 2014: 6]. В развитие концепции в данной статье мы покажем конкретные проявления нормальной аномии в виде увеличивающегося производства «ничто» в самых разных формах на глобальном уровне.

«Ничто» и «нечто»: квинтэссенция

В своё время вклад в трактовку ничто внесли такие социальные теоретики и социологи как И. Кант, М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр, Э. Гоффман и др., однако современная концепция ничто с учётом фактора глобализации была предложена

американским социологом Дж. Ритцером. Под «*ничто*» им понимается социальная форма, производство которой «обычно центрально планируется, контролируется и которая относительно лишена определённого сущностного контента». «Ничто» имеет смысл только по отношению к «нечто» как социальной форме, которая «обычно локально планируется, контролируется и которая сравнительно полно наделена определённым сущностным контентом» [Ritzer 2004: 3, 7].

Ничто, олицетворяющее собой нормальную аномию, имеет схожесть с проявлениями традиционной, «классической» аномии: в обоих случаях идёт процесс *дегуманизации* человеческих отношений: «Это деятельность в каком-то смысле чрезмерная, весьма избыточная, — писал Э. Дюркгейм. — По всем этим причинам она противостоит нашему повседневному существованию как высшее противостоит низшему, идеал — реальности» [Дюркгейм, 1995: 298]; в обоих случаях речь идёт о *ценностно-нормативном вакууме*, отсутствии референтов.

Вместе с тем, если сущностное выражение «классической» аномии проявляется в девиации, патологии нормы, по Н. Луману — в «опыте бессистемности и случайности» [Луман, 2007: 114], то ничто создаётся *целенаправленно, системно*, становится *нормой* повседневной жизни в условиях глобализации, рефлексивного модерна и постмодерна [Кравченко, 2007]. По своим качественным характеристикам нечто и ничто рельефно различаются: первые ассоциируются с культурной уникальностью, конкретными географическими параметрами, относятся к определённому историческому времени и главное — они *антропологичны, очеловечены*; вторые — с культурной безликостью, отсутствием привязанности к географическим и историческим координатам, наконец, они — *дегуманизированы*.

Прежде всего отметим *объективные факторы глобального порядка*, способствующие превращению безнормия, по существу, в *норму* современной жизни. Среди основных факторов: сам процесс *социального становления*, который, как считает П. Штомпка, обретает характер постоянного, незавершённого структурно-функционального обновления институтов, происходящий в форме культурной травмы, как «специфической патологии деятельности» [Sztompka, 2000: 452]; *плюрализация социального времени*, изменяющая «отношения между прошлым, настоящим и будущим. Прошлое утрачивает свою власть детерминировать настоящее. Его место как причины настоящего повседневного опыта и деятельности занято будущим» [Beck, 2007: 214]; приход в нашу жизнь «*адиафоризации, моральной слепоты*» [Bauman, Donskis, 2013: 15]; развитие *виртуальной реальности*, в результате чего *стираются различия между реальным и воображаемым*, утверждается «эра тотальной симуляции» [Бодрийяр, 2003]; *спектаклизация* [Дебор,

2000] и *играизация* общества [Кравченко, 2013]; *Макдональдизация* как широко-масштабный транснациональный процесс, предполагающий, что принципы ресторана быстрого обслуживания (эффективность, калькулируемость, предсказуемость и технологический контроль) «начинают определять всё большее и большее число сфер американского общества, как и остального мира» [Ritzer, 2013: 1]. Данный процесс производства ничто затрагивает не только ресторанный бизнес, но и образование, труд, здравоохранение, туризм, отдых, питание, политику, семейные отношения и виртуально каждый другой сегмент общества.

Вместе с тем, в современном глобальном мире есть силы, поддерживающие жизненность «нечто» в виде самых разных социальных и культурных форм. Это – *глокализация*. Согласно английскому социологу Р. Робертсону, автору одноимённой концепции, идут сложные процессы интеграции глобальных и локальных реалий. Если глобализация предполагает пролиферацию ничто, то глокализация способствует производству не́что, сохранению локально-национального колорита социальных реалий или, по крайней мере, образованию культурных гибридов, расположенных в континууме между полюсами ничто и не́что. Макдональдизации противостоит *деМакдональдизация* – развитие предприятий малого бизнеса, основанного на противоположных принципах – разнообразие, непредсказуемость и опосредованный контроль со стороны рынка. Ярким проявлением деМакдональдизации стала интернет торговля, дающая потребителям гораздо более широкий доступ к разнообразным товарам и услугам. Развитие пост-фордистских технологий также увеличило выпуск высококачественных товаров, ассоциирующихся с не́что. Наконец, отметим значимость *рутины*, которая, по Э. Гидденсу, «обеспечивает целостность личности социального деятеля в процессе его (её) повседневной деятельности, а также является важной составляющей институтов общества» [Гидденс, 2003: 111]. Благодаря рутинизации люди помнят «старую» добрую еду, приготовленную по бабушкиным рецептам, поддерживают спрос на товары ручного производства и услуги повышенного качества – всё это позволяет не́что существовать.

Как видно, ничто и не́что диалектически взаимосвязаны, их отношения весьма динамичны. Иногда ничто может превращаться в не́что, но для этого необходимо событие, приносящее особый ценностно-культурный смысл. Тем не менее, существующие тренды глобализации, *выбранные самими людьми*, всё более вытесняют не́что из нашей жизни под влиянием пролиферации ничто. Конкретно рассмотрим несколько типов ничто, включая те, которые появились совсем недавно.

Не-места

Исторически не-места появились ещё в традиционном обществе и главным образом существовали посредством слов в мифах, религиозных писаниях, утопиях. Это *воображаемые места*: «тридевятые царства», «волшебные королевства»,

поселения типа «Город Солнца» или «фаланги», производственные ассоциации, в которых преодолены различия между городом и деревней, умственным и физическим трудом (Т. Кампанелла, Ш. Фурье). Представительница социологического феминизма Ш. П. Гилман (1860–1935) полагала, что преодолеть сексо-экономический порядок, основанный на андроцентричной культуре, можно лишь через уничтожение социальной стратификации по половому признаку. В работе «*Её земля*» социолог излагает идеи «*истинной экономической демократии*» в виде феминистской утопии социалистического толка, предстающей как *желаемый социум-поселение*, в котором живут исключительно женщины, воспроизводящие себя без мужчин. Там царит социальная гармония: нет ни насилия, ни конкуренции, ни доминирования; социальный контроль поддерживается изнутри силой воли; любовь без секса основывается на уважении и привязанности. Идиллия разрушается, как только там появляются трое мужчин, принесших с собой сексуальное желание, конкуренцию, тщеславие [Gilman, 1992]. Во всех этих случаях речь идёт о воображаемых местах, которые в этом смысле являются не-местами.

Современные не-места представляют собой *объективную реальность*, они существуют. Это пространства, возникшие под влиянием глобализации, лишённые уникального социального и культурного смысла — супермаркеты, рестораны быстрого питания, автострады, мотели, развлекательные парки, «волшебные королевства» в виде Диснейленда, анклавы беженцев или мигрантов, интернет-кафе, станции метро и т. д. Разумеется, не-места никогда не существуют в чистых формах: места и не-места представляют собой определённый континуум. Однако их соотношение подвижно и динамика развивается в направлении *резкого увеличения и распространения* не-мест по всему миру. Французский социальный теоретик М. Оже прямо указывает на это: «Не-места — реальное мерило нашего времени» [Augé, 1995: 79], т. е. они становятся *нормой* близости современных социальных пространств. Учёный определяет не-место как «не антропологическое место», место «без характерной пространственной и исторической идентификации» [Augé, 1995: 77–78]. По сути эту же методологию дифференциации мест и не-мест используют и другие социологи. М. Мерло-Понти: в отличие от геометрического пространства, лишённого культурного смысла (не-место), пространство антропологическое имеет символический смысл «экзистенциальности» места [Merleau-Ponty, 1945]. Могут быть самые разные места со специфической идентичностью — от тех, которые являются символами национальной культуры, величия и народной скорби, памяти до «чудес света», увидев которые, можно умереть. Если в местах есть

культурно обусловленные табу и запреты, то в не-местах действуют самые *общие* правила поведения (не курить, не употреблять алкоголь). В местах функционирует родной язык, люди взаимодействуют лицом-к-лицу, как правило, зная друг друга по имени; в не-местах, практически лишённых национально-культурной идентичности, преимущественно говорят на «базовом» английском языке, а взаимодействие обретает официозную форму, там преимущественно функционируют технологии.

М. Фуко использует понятие «не-место» для определения новых анклавов, населённых беженцами или мигрантами, и определяет его как «место без места, которое существует само по себе и закрыто в самом себе» [Foucault, 1986: 26]. Ж. Бодрийяр характеризует Америку как место, превращающееся в социальную пустыню в культурном и эстетическом смысле: по его словам, Лос-Анджелес — «заселённый участок пустыни», а Калифорния — «мировой центр симулякров» [Baudrilard, 1989: 53, 102]. Сегодня характерной чертой глобальной архитектуры становится строительство новых городов, которые, будучи институциональным и культурным воплощением не-мест, образуют единую сеть с мегаполисом, некоторые из них не имеют даже собственного имени [Sassen, 2001].

Определённая часть современных не-мест представляет собой *виртуальную реальность* — пространства узлов в глобальной интернет-паутине; сайты, где разворачивается онлайн торговля; симулякры лучших мест Земли, которые виртуально посещают глобальные туристы и т. д.

Наконец, отметим три, на наш взгляд, главные социальные уязвимости не-мест:

1. Там, где они появляются, наступает «смерть социального».
2. Они несут с собой иллюзии безопасности и комфортности: иностранец может чувствовать себя как дома в зарубежном супермаркете, на железнодорожной платформе или дисней-парке, однако не-места обладают повышенной рискогенностью, ибо привлекают к себе внимание террористов и представителей криминального мира.
3. В не-местах утверждается *дегуманистическая* коммуникация — покупатели, пассажиры, пользователи, отдыхающие — все они используют примитивный дискурс общения, ограниченный во времени, не рассчитанный на продолжение, порой даже с ограниченно возможным набором слов и знаков (твиттер).

Не-люди

Одним из первых понятие «не-человек» ввёл в научный оборот Э. Гоффман (И. Гофман), под которым имелся в виду человек, функционирующий как *живой объект, лишённый существенных социальных качеств*: он не вступает в контакт с другими людьми без специального приглашения, выполняет роль «недействующего лица, статиста» (пациент психбольницы, слуга, лифтёр, официант,

водитель такси, фотограф, сотрудник секретной полиции и т. д.). И самое главное – «нормальные» люди не воспринимают его как человека, заслуживающего общепринятого взаимодействия – слишком велика социальная дистанция между ними, чтобы образовывались собственно социальные связи [Гофман, 2000: 190–192]. При этом само присутствие не-людей создаёт атмосферу стабильности, предсказуемости, позволяет людям эффективно представлять себя другим в повседневной жизни.

Современные люди, в трактовке Дж. Ритцера, представляют собой персоны, личности, идентифицируемые с общественно одобряемой профессиональной деятельностью и конкретным, постоянным местом работы. На другом полюсе социального континуума располагаются не-люди – индивиды, лишённые определённого социального сущностного контента главным образом под влиянием глобализации, существенно изменяющей сферу занятости. С одной стороны, глобализация востребовала людей с более высокой квалификацией и образованием. Однако с другой – содержание занятости изменилось в направлении полюса ничто: новые рабочие места создаются в форме не-мест с доминированием примитивного использования интернет-сети и нечеловеческих технологий. По оценке М. Кастьелса, под влиянием неконтролируемой многомиллионной миграции сформировались два новых типа работников, занимающихся «самопрограммируемым трудом» и «непатентованным трудом», которые «готовы принять любые условия, чтобы получить работу»; при этом «число нелегальных рабочих продолжало увеличиваться» [Castells, 2010: xxiii]. По существу, и первые, и вторые образуют не-людей. Работодатели не заключают с ними трудовые договоры, не платят страховку, они значительно больше, чем люди, подвержены рискам.

В глобализирующемся мире процессы производства не-мест и не-людей тесно взаимосвязаны. По З. Бауману, иммигранты и беженцы, образующие новые анклавные (не-места), одновременно обретают статус не-людей: они – «неприкасаемы», «немыслимы», «без собственного имиджа» (unimaginables); обречены или на эту «тотальную жизнь», или на никакую [Bauman, 2009: 45].

Макдональдизация также производит не-людей, хотя в более мягких формах. Обслуживающий персонал супермаркетов, ресторанов быстрого питания, развлекательных парков, набранный со всего мира, запрограммирован на вежливо-официозное общение с клиентами без возможного продолжения коммуникации в ином пространственно-временном контексте. Выполняемая ими работа предполагает использование самых примитивных технологий и не привязана к месту со специфической культурной идентификацией.

Вместе с тем, качества не-людей имманентно не заданы. Переход не-людей в статус людей в условиях закрытого традиционного и даже индустриального общества был крайне минимальным, что определялось жёстким функционированием структур. Сегодня институты и сами акторы всё более обретают рефлексивный характер и это даёт сравнительно большие шансы на то, чтобы не-люди могли обрести собственно человеческий статус. Для этого им необходимо получить *добавленную социальную ценность* (сертификат о значимом образовании, овладение специфическими, востребованными профессиональными знаниями и навыками, предлагающими постоянную занятость, стать узнаваемыми в виртуальной реальности, начать бизнес, ассоциируемый с собственным именем, и т. д.).

В целом же, производство не-людей на глобальном уровне становится нормой современной жизни. Не-люди представляют собой существенный компонент нормальной аномии.

Не-вещи и не-еда

Вещь, по Дж. Ритцеру — специфический продукт конкретного региона, имеющий значимый социальный и культурный смысл, а также историко-временные параметры. Вещь органически включена в локальную культуру и обладает определённым постоянством.

Не-вещь — относительно социально пустая форма в виде массового продукта, лишённого какой-либо географической идентичности, который центрально производится на глобальном уровне (футболка, джинсы, мобильный телефон, кредитная карта, сникерсы и т. д.) [Ritzer, 2004: 1—18, 55—59]. Не-вещи получили гораздо более широкое распространение, чем не-места, в которые индивид, как правило, сознательно входит и также может выйти. Не-вещи *тотально* вошли в нашу жизнь: во время сна нас окружают не-вещи (простыня, пододеяльник, наволочки); принимая душ, мы также используем не-вещи (мыло, шампуни, парфюм); затем одеваем не-вещи (свитер, джинсы). И далее в течение всего дня мы постоянно взаимодействуем с не-вещами — авторучкой, мобильным телефоном, планшетами и т. д. Гигантские международные корпорации образуют сети по фабричному производству миллионов и миллионов не-вещей. *Одинаковость* не-вещей стала нормой их существования в глобализирующемся мире, это — товары из ниоткуда. Изначально они имели культурные корни в той или иной стране, но со временем утратили свою географическую идентичность.

Аналогичная методология может быть применена к интерпретации еды и не-еды. Под едой понимается пища, содержащая интегрально, как минимум, четыре компонента:

1. *Био-природную субстанцию*, осуществляющую воспроизводство физической и психической функциональности человека.

2. *Социальный компонент* в виде «маркёра класса, культуры и цивилизации» [Coveney, 2014: 2], что влияет на выбор людьми конкретных блюд.

3. *Институционализованные культурные ценности и нормы, традиции*, регулирующие не только характер диеты и вкуса, но и собственно человеческие отношения, складывающиеся во время принятия пищи.

4. *Биополитические дискурсы*, «систематически формирующие те объекты, о которых они говорят» [Фуко, 2004: 112], соответственно, осуществляющие своеобразный «надзор» за «нормальностью» еды. Определение еды предполагает её социокультурную идентификацию: *мы едим то, в каком обществе мы живём со всеми его достижениями, рисками и уязвимостями*. Однако в глобальном мире еда начинает существенно изменять свои качества, утрачивая строгую социокультурную идентификацию. Это предполагает континуум между едой и не-едой как относительно пустой формой в виде массового деидентифицированного продукта, который центрально производится на глобальном уровне.

Индустриализация и «зелёная» революция заложили фундамент для производства не-еды с предсказуемыми и заданными *количественными и качественными параметрами*. При этом некоторые виды еды (сахар) превратились в повседневную пищу, т. е. в не-еду [Mintz, 1985]. Работы по генной модификации растений и животных шли в направлении *постоянных изменений био-природной субстанции* еды с целью универсализации её качества. Однако ненамеренными последствиями стало не просто производство не-еды, а, по существу, генно-модифицированных *продуктов-чужаков* как противоположностям экологически чистым продуктам. По данным социологического исследования, отношение россиян к генномодифицированным продуктам противоречиво: 55,8% считают, что они используют ГМ-продукты, причём более трети респондентов не обращают на это внимание, только 5,5% интервьюеров всегда следит, чтобы в продукте не было генно-модифицированных ингредиентов. Вместе с тем, по оценке 81,9% опрошенных, ГМ-продукты определённо опасны либо небезопасны для здоровья человека, в том числе по причине их мутагенности. Только 1% считает ГМ-продукты безопасными и 6% не имеют определённого мнения по этому вопросу. Респонденты с высокой квалификацией, уровнем образования и достатком полагают, что использование ГМ-продуктов опасно для здоровья человека [Смагин и др., 2011]. В целом же процессы индустриализации, детрадиционализации еды с неизбежностью ведут к увеличению не-еды.

Кроме того, дискурсы еды и не-еды также представляют собой социальные конструкты: индивиды, подверженные *кодам сигнификации*, становятся всё более обеспокоенными *знаковой ценностью* своей еды.

Пища, обозначенная кодами сигнификации как «эффективная и здоровая», может быть, а может и вовсе не быть таковой, ибо, как показал Ж. Бодрийяр, смысл симулякров всё более отдаляется от объективной реальности [Бодрийяр, 2003]. Реальность же такова, что многие бренды («Кока-Кола», «Бургер Кинг») ассоциируются с не-едой, а их привлекательный смысл зачастую задаётся перформативными практиками [Кравченко, 2010].

Среди многочисленных критериев два представляются особо значимыми для отнесения не-еды к нормальной аномии:

1. Если еда не только *антропологична* и *очеловечена*, но и предполагает собственно *гуманный, коммуникативный* дискурс во время застолья (для ряда россиян трапеза — это не только поддержание тела, но и обновление души), то не-еда, особенно в форме быстрой еды-перекуса, *минимизирует собственно человеческие контакты*. Более того, не-еда, обретая космополитический характер, ориентирована на социально безликую *массу* потребителей, ибо искусственно усиленно воздействует на вкусовые рецепторы за счёт увеличения в ней соли, сахара, жиров, а также всевозможных добавок, стимулирующих аппетит, в итоге способствуя формированию *культурно приобретённых синдромов* (ожирение, диабет, анорексия).

2. Имманентной составляющей еды является *экологическая чистота*, органическая связь с *экологически дружественной почвой*; значительным компонентом не-еды являются генетически модифицированные продукты.

Несмотря на массированное давление со стороны космополитической не-еды, в российском национальном характере сохраняется значимость ценностей гуманизма вообще и национальной кулинарной культуры еды в особенности. Это прекрасно показано в фильмах «Особенности национальной охоты» и «Особенности национальной рыбалки».

Не-услуги

Услуги и не-услуги образуют континуум, в котором конкретизируется их смысл, они также связаны с реалиями мест и не-мест, людей и не-людей. Услуга представляет собой действие, приносящее индивидуально-ориентированную помощь или пользу, смысл которых заключён в национально-локальном контексте. Услуги оказывают люди в соответствии с их статусами и социальными ролями.

Не-услуги — услуги с ограниченным числом задач, как правило, предполагающие задействование нечеловеческих, примитивных технологий. Не-люди, прежде всего иммигранты и нелегальные рабочие, занятые «самопрограммируемым» и «непатентованным» трудом, главным образом оказывают не-услуги, хотя увеличивается число собственно людей, оказывающих услуги, которые по своему качеству приближаются к полюсу ничто. И, конечно, не-услуги в основном предлагаются в не-местах в виде не-вещей [Ritzer, 2004: 63].

Дифференциация услуг и не-услуг рельефно видна, в частности, на примере предложений еды и не-еды. Услуги соотносятся с производством относительно стабильных паттернов еды с достаточно выраженным ценностным контентом, они ориентированы на конкретных индивидуальных потребителей. Тому способствует процесс *глокализации*, предполагающий развитие услуг по предоставлению еды с национальной и локальной спецификой или, по крайней мере, культурно гибридной еды, тяготеющей к полюсу не́что. Речь идёт об услугах, основанных на развитии местных кулинарных традиций, включая создание *деМакдональдизированных предприятий* медленного питания, специализирующихся на приготовлении блюд по индивидуальному заказу. Сюда же можно отнести интернет-торговлю продуктами питания. В этом случае потребителям предоставляются услуги доступа к весьма широкому ассортименту еды. При этом можно воспользоваться всевозможными фильтрами: конкретный регион, страна, без сои и т. д. Фермерские хозяйства, тяготеющие к производству высококачественной индивидуализированной еды, предоставляют, подчеркнём, именно услуги, благодаря которым рутинизация домашней еды продолжает функционировать. Заметим, А. Шюц особо подчёркивает важную роль домашней еды в повседневной жизни людей, замечая, что наряду с родным языком дом значит «определённым образом приготовленную еду» [Шюц, 2004: 551]. Произошли радикальные изменения по предоставлению новых видов услуг, акцентирующих внимание конкретных индивидов на потребление вкусной и здоровой пищи. Для этого появились новые технологии — микроволновые печи, мультиварки, кофеварки и ещё сотни разных приспособлений для эффективного производства домашней еды. На глобальном уровне десятки телевизионных каналов специализируются на этой проблематике. Издается множество диетических книг и рекомендаций о вкусной и здоровой пище, о том, как похудеть. Посещение диетологов, визиты в клиники, специализирующиеся на регуляции веса человека, стали имманентной нормой новых услуг. В результате дискурсы питания и здоровья всё более переплетаются, образуя единое целое. Кроме того, некоторые новые виды услуг от известных рестораторов сродни *высокому искусству*. Функциями таких услуг является утверждение *здорового благополучия* на фоне увеличивающихся уязвимостей в питании [Кравченко, 2013а]. Разумеется, эти услуги не для всех: роскошная еда становится определённым маркёром принадлежности к элите. Среди новых услуг — кулинарные путешествия. Д. Габачия, автор книги *«Мы представляем то, что едим»*, раскрыла суть весьма сложных *услуг-игр*, происходящих с национальными кухнями, показав это на примере Сан-Франциско: «питание похоже на путешествие, только значительно проще — лишь один шаг из Америки

в Японию, ещё шаг — Китай. Перейдя улицу, Вы уже в Мехико, совсем рядом Франция. За углом расположена Италия, а из Италии Вы попадаете в Ломбардию, а из неё в Грецию» [Gabaccia, 1991: 102].

Вместе с тем, ещё больше факторов способствуют производству *не-услуг*. Глобализация привела к распространению услуг (фактически, не-услуг) в виде предоставления культурно «безграничной» космополитической еды. Благодаря этим не-услугам, по образному выражению Дж. Ритцера, «мир превратился в “пла-вильный котёл” еды»: так, суши оторвались от своих японских корней, индийскую еду можно встретить в Сан-Франциско, равно как и по всему миру [Ritzer, 2011: 7]. К этому можно добавить тайский суп, швейцарский сыр, произведённые в России, и ещё многое другое. Макдональдизация также предоставляет не-услуги в виде предложений не-еды (гамбургеры, пицца, чипсы, сникерсы и т. д.). В итоге не-услуги вносят свой «вклад» в глобализацию ничто и формирование нормальной аномии.

Не-знание

Мы живём в «обществе незнания в самом прямом смысле» — заявляет известный немецкий социолог У. Бек. В противоположность домодерновой эры оно не может быть преодолено бóльшим и лучшим знанием, бóльшей или лучшей наукой; скорее, как раз наоборот: оно — продукт бóльшей и лучшей науки. Не-знание правит в мировом обществе риска. Так, жить в среде созданного не-знания означает искать неизвестные ответы на вопросы, которые никто не может ясно сформулировать» [Beck, 2010: 115]. Учёный особо подчёркивает, что взрыв ядерного реактора в Чернобыле сопровождался «взрывом незнания», что, по существу, привело к образованию «пост-Чернобыльского мира» [Beck, 2010: 116]. Из этого следует, что *научное не-знание* не вакуум, а весьма значимый пласт научного знания, свидетельствующий о том, что нормальная аномия затронула и сферу знания. Возник совершенно новый вектор его динамики: имеет место переход от простого накопления знаний через его развитие в контексте парадигматической сущности [Кун, 1977] к формированию нового сложного синтеза научного знания и научного не-знания. У не-знания другая функциональность. Если знание основано на постулате, что оно представляет *силу*, способную преобразовывать мир исключительно «прогрессивно», в интересах человека, то не-знание, скорее, выражает *неопределённость* его последствий для общества. Отсюда возрастает сложность принятия решений по использованию тех или иных научных достижений: «прогресс» может принести не только желаемый результат, но и «побочные потери».

Подобные «взрывы» не-знания стали происходить не только в естественных и технических, но и в социальных науках — вчерашнее «универсальное» знание в виде «истинной» парадигмы в настоящее время «устаревает» и становится научным не-знанием. Осуществлять научное прогнозирование будущего человечества становится всё труднее. Уходят в прошлое линейные романтические видения

«объективных закономерностей» утверждения светлого будущего всего человечества: у нас не выдержали испытания временем коммунистические перспективы, на Западе потерпели крах всевозможные теории «народного капитализма», «общества всеобщего благоденствия». И нет общепризнанной, ясно сформулированной теории об оптимистическом будущем человеческой цивилизации. Дело не в нехватке талантливых учёных в социальных науках, а в том, что отныне не-знание начинает доминировать в современном мире.

Приведённые примеры свидетельствует о росте *нелинейного производства знания*, результатом чего стал *научный «упорядоченный хаос»*, что есть *новый вызов*, но не абсолютное зло для развития наук. Целостное научное знание, основанное на стабильных референтах долгоживущих «универсальных» теориях, просто не может быть адекватным для «текущей современности» [Бауман, 2008]. Научный монизм представляет собой утопическое видение будущего наук и их знания. Нам нужно не противостоять, а принять научный «упорядоченный хаос» в виде нормальной аномии и, соответственно, более критической рефлексии по отношению к знанию и его возможным ненамеренным последствиям. Думается, при всей значимости научных и технологических инноваций самих по себе, не менее важно исследовать и определять *допустимые* «границы хаоса» в сложных системах, включая системы научных знаний и не-знаний. Сохранение определённых рамок хаоса становится требованием гуманистической этики развития современных наук. Без строгого следования ему одна из научных бифуркаций может закончиться переходом к *гипер-знанию*, которое может выйти из *человеческого управления* и произвести непредсказуемые потрясения для нашей цивилизации.

Не-событие

Автором концепции *не-события* является Ж. Бодрийяр. В серии из трёх работ, посвящённых войне в Ираке [Baudrillard, 1995], социолог задаётся вопросом, что значит в современном мире симуляций для события «иметь место»? В начале 90-х годов прошлого столетия, казалось бы, для всех было очевидным, что Америка готовится к войне в Ираке с режимом С. Хусейна. Средства массовой информации предрасполагали общественное мнение к войне, которая уже была «реальностью»: оставалось лишь ждать конкретный день её начала. Примерно за две недели до начала военных действий Бодрийяр публикует первую статью во французской газете «Война в Персидском заливе не будет иметь место». Когда шли полномасштабные сухопут-

ные операции, Бодрийяр выступает со второй статьёй «Война в Персидском заливе в реальности не происходит». Наконец, по её завершении он пишет третью статью «Война в Персидском заливе никогда не имела место».

За всем этим постмодернизмом стоит концепция социолога о том, что в мире симуляций постулат «иметь место» сам становится симулякром и, по существу, все события превращает в *не-события*, ибо симуляции *опустошают* реальность. Спектаклизированная визуальность войны в Персидском заливе благодаря СМИ превращается в гиперреальность в виде реальности из симулякров, которая «правдивее, чем правда». Война как не-событие проявилась в следующем: сценарий военных действий был написан заранее и СМИ оставалось лишь давать зрителям его презентацию с соответствующими комментариями; сам контент симулякров программировался и режиссировался администрацией США; коды сигнификации врага всячески умалили силу сопротивления и представляли его в виде компьютеризированной цели; заранее получали распространение симулякры военного превосходства США; программирование и декларирование высокоточной бомбардировки иракских сил исключали прямые военные столкновения и гарантировали заданный односторонний результат; симулякры, разумеется, не затрагивали проблематику страдания народа (по оценкам, более 100 000 иракцев погибли и ещё больше получили тяжёлые ранения и увечья).

Для рядового зрителя телевизионных программ становится всё труднее отличить не-события от реальных событий, ибо и те и другие расположены в континууме от ничто до нечто и при определённых обстоятельствах могут переходить друг в друга. При всём том, что виртуальная реальность в целом способствует производству не-событий, травмы глобальной коллективности могут трансформировать не-людей в людей, соответственно, не-события в события: Малала Юсуфзай из Пакистана стала всемирно известным общественным деятелем, а позднее и Лауреатом Нобелевской премии за гуманитарное образование девочек после того, как талибы, преследуя её за убеждения, тяжело ранили в голову, и это травмирующее событие, попав в интернет-сети, придало особый ценностный смысл этому человеку.

Это исключительное событие, скорее, подтверждает общую тенденцию: не-события пришли в нашу жизнь, стали её нормой. По нашему мнению, эти реалии дают основание полагать, что не-события также образуют значительный пласт нормальной аномии. Для их исследований имеет смысл полагаться на современный интегральный инструментарий [Кравченко, 2012], который характерен для поворотов в социологии.

Список литературы

Бауман З. Текучая современность. М., СПб.: Питер, 2008. – 240 с.

Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М.: Библион-Русская книга, 2003. – 272 с.

Гидденс Э. Устроение общества. Очерк теории структуризации. М.: Академический проект, 2003. — 528 с.

Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Канон-пресс-Ц, 2000. — 304 с.

Дебор Г. Общество спектакля. М.: Логос, 2000. — 184 с.

Дюркгейм Э. Ценностные и «реальные суждения» // Э. Дюркгейм. Социология. Её предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995. — 320 с.

Кравченко С. А. Модерн и постмодерн: «старое» и новое видение // Социологические исследования. 2007. № 9. С. 24–34.

Кравченко С. А. Культуральная социология Дж. Александера (генезис, понятия, возможности инструментария) // Социологические исследования. 2010. № 5. С. 13–22.

Кравченко С. А. Сложный социум: востребованность поворотов в социологии // Социологические исследования. 2012. № 5. С. 19–29.

Кравченко С. А. Игразация // С. А. Кравченко. Социологический толковый русско-английский словарь. М.: МГИМО-Университет, 2013. — 914 с.

Кравченко С. А. Становящаяся сложная социальная реальность: проблемы новых уязвимостей // Социологические исследования. 2013а. № 5. С. 3–12.

Кравченко С. А. «Нормальная аномия»: контуры концепции // Социологические исследования. 2014. № 8. С. 3–10.

Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977. — 300 с.

Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб.: Наука, 2007. — 648 с.

Смагин С. Л., Иванцева Т. Г., Литвинцев С. Г., Старикова М. М. Общественное восприятие генно-модифицированной продукции // Социологические исследования. 2011. № 8. С. 142–144.

Фуко М. Археология знания. СПб., 2004. — 416 с.

Шюц А. Возвращающийся домой // А. Шюц. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: Росспэн, 2004. — 1056 с.

Augé M. Non-places: Introduction to an Anthropology of Supermodernity. London: Verso, 1995. — 123 p.

Baudrilard J. America. London: Verso, 1989. — 129 p.

Baudrilard J. The Gulf War Did Not Take Place. Bloomington: Indiana University Press, 1995. 76 p.

Bauman Z. Liquid Times. Living in an Age of Uncertainty. Cambridge: Polity Press, 2009. — 115 p.

Bauman Z., Donskis L. *Moral Blindness. The Loss of Sensitivity in Liquid Modernity*. Cambridge: Polity Press, 2013. – 218 p.

Beck U. *Risk Society Revisited: Theory, Politics and Research Programmes // The Risk Society and Beyond* / B. Adam, U. Beck, J. van Loon (eds.). L.: Sage Publication, 2007. – 232 p.

Beck U. *World at Risk*. Cambridge: Polity Press, 2010. – 269 p.

Castells M. *The Information Age: Economy, Society and Culture. Volume I: The Rise of the Network Society*. Second edition. Oxford: Wiley-Blackwell, 2010. – 597 p.

Coveney J. *Food*. London and New York: Routledge, 2014. – 108 p.

Foucault M. *Of Other Spaces // Diacritics*, 1986. № 1. – 26 p.

Gabaccia D. R. *We are What we Eat: Ethnic Food and the Making of Americans*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2000. – 288 p.

Gilman Ch. P. *Herland and Selected Writings by Charlotte Perkins Gilman* / Ed. by B. Solomon. New York: Signet, 1992. – 349 p.

Merleau-Ponty M. *Phenomenology of Perception*. London: Routledge, 1945.

Mintz S. *Sweetness and Power*. Viking Penguin, New York, 1985. – 320 p.

Ritzer G. *The Globalization of Nothing*. Pine Thousand Oaks, CA: Forge Press, 2004. – 359 p.

Ritzer G. *The Globalization: the Essentials*. Oxford: Wiley-Blackwell, 2011. – 356 p.

Ritzer G. *The Mcdonaldization of Society*. Thousand Oaks, CA: Sage, 2013. – 238 p.

Sassen S. *The Global City*. Princeton: Princeton University Press, 2001. – 472 p.

Sztompka P. *Cultural Trauma. The Other Face of Social Change // European Journal of Social Theory*, 2000. № 3 (4). P. 449 – 466.

“Normal Anomie”: the Production of “Nothing”

This article was presented with the financial support of the Russian Foundation for Humanities, grant number 15-06-04266

Kravchenko Sergey Aleksandovich

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology, Moscow State Institute of International Relations (University), Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO-University of the Russian Foreign Ministry), Vernadsky Prospect, 76, 119454, Moscow, Russia; Senior Researcher, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences. Krzhizhanovskogo str., 24/35, build 5, 117218, Moscow, Russia. E-mail: sociol7@yandex.ru

Abstract. An idea of re-discovery of anomie is argued for basing on an assumption, that modern world is changing its contents and character under impact of growing mobility and complex social & cultural dynamics and a complex society in the making. According to the views of the American sociologist G. Ritzer, the globalization of “nothing” contributes to assertion of an end of normative definiteness. There reviled

concrete displacement of anomie in the form of non-places, non-people, non-things and non-food, non-service, non-knowledge, and non-events, which is reflected in the absence of their social and cultural identity. In the modern global world there are forces that support the vitality of “néchto” in the form of a variety of social and cultural forms. As a rule, these forms are preserved through the process of glocalization. To analyze them, an integral theoretic methodological set is demanded, which is based on a synthesis of different paradigms.

Keywords: anomie, “normal anomie”, globalization of “nothing”, non-places, non-people, non-things, non-food, non-service, non-knowledge, and non-events.

REFERENCES

- Bauman Z. Tekuchaia sovremennost'. [*Liquid Modernity*]. M., SPb.: Piter, 2008. — 240 p. (In Russ.).
- Bodriiia Zh. K kritike politicheskoi ekonomii znaka. [*For a Critique of the Political Economy of the Sign*]. M.: Bibliion-Russkaia kniga, 2003. — 272 p. (In Russ.).
- Giddens E. Ustroenie obshchestva. Ocherk teorii strukturatsii. [*The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration*]. M.: Akademicheskii proekt, 2003. — 528 p. (In Russ.).
- Gofman I. Predstavlenie sebja drugim v povsednevnoi zhizni. [*The Presentation of Self in Everyday Life*]. M.: Kanon-press-Ts, 2000. — 304 p. (In Russ.).
- Debor G. Obshchestvo spektaklia. [*The Society of the Spectacle*]. M.: Logos, 2000. — 184 p. (In Russ.).
- Diurkgeim E. Tsenostnye i «real'nye suzhdeniia». [*Value Judgements and Judgements of Reality*]. J. E. Diurkgeim. Sotsiologiiia. Ee predmet, metod, prednaznachenie. [*Sociology. Its Subject, Method, Destination*]. M.: Kanon, 1995. — 320 p. (In Russ.).
- Kravchenko S. A. Modern i postmodern: «staroe» i novoe videnie. [*Modern and Postmodern: Old and New Vision*]. J. Sotsiologicheskie issledovaniia. 2007. № 9. P. 24–34. (In Russ.).
- Kravchenko S. A. Kul'tural'naia sotsiologiiia Dzh. Aleksandera (genesis, poniatiia, vozmozhnosti instrumentariia). [*Cultural Sociology of Jeffery Alexander (Genesis, Concepts, Potential of the Method)*]. J. Sotsiologicheskie issledovaniia. 2010. № 5. P. 13–22. (In Russ.).
- Kravchenko S. A. Slozhnyi sotsium: vstrebovannost' povorotov v sotsiologii. [*Complex Socium: Relevance of Turns in Sociology*]. J. Sotsiologicheskie issledovaniia. 2012. № 5. P. 19–29. (In Russ.).
- Kravchenko S. A. Igraizatsiia [*Game-ization*]. S. A. Kravchenko. Sotsiologicheskii tolkovyi russko-angliiskii slovar'. [*Sociological Russian-English Explanatory Dictionary*]. M.: MGIMO-Universitet, 2013. — 914 p. (In Russ.).
- Kravchenko S. A. Stanoviashchiasia slozhnaia sotsial'naia real'nost': problemy novykh uiazvimostei. [*The Becoming Complex Social Reality: Problems of New Vulnerabilities*]. J. Sotsiologicheskie issledovaniia. 2013a. № 5. P. 3–12. (In Russ.).
- Kravchenko S. A. «Normal'naia anomiiia»: kontury kontseptsii [“Normal Anomie”: *Contours of Conception*]. J. Sotsiologicheskie issledovaniia. 2014. № 8. P. 3–10. (In Russ.).
- Kun T. Struktura nauchnykh revoliutsii. [*The Structure of Scientific Revolutions*]. M.: Progress, 1977. — 300 p. (In Russ.).
- Luman N. Sotsial'nye sistemy. Ocherk obshchei teorii. [*Social Systems*]. SPb.: Nauka, 2007. — 648 p. (In Russ.).

- Smagin S. L., Ivantseva T. G., Litvinets S. G., Starikova M. M. Obshchestvennoe vospriatie genno-modifitsirovannoi produktsii. [*Public Perception of Genetically Modified Products*]. *J. Sotsiologicheskie issledovania*. 2011. № 8. P. 142–144. (*In Russ.*).
- Fuko M. Arkheologiya znaniia. [*Archeology of Knowledge*]. SPb., 2004. — 416 p. (*In Russ.*).
- Shiuts A. Vozvrashchaiushchiisia domoi. [*The Homecomer*]. J. A. Shiuts. Izbrannoe: Mir, svetiashchiisia smyslom. [*Selected Works: the World Illuminating with Meaning*]. M.: Rosspen, 2004. — 1056 p. (*In Russ.*).
- Augé M. Non-places: Introduction to an Anthropology of Supermodernity. London: Verso, 1995. — 123 p.
- Baudrilard J. America. London: Verso, 1989. — 129 p.
- Baudrillard J. The Gulf War Did Not Take Place. Bloomington: Indiana University Press, 1995. — 76 p.
- Bauman Z. Liquid Times. Living in an Age of Uncertainty. Cambridge: Polity Press, 2009. — 115 p.
- Bauman Z., Donskis L. Moral Blindness. The Loss of Sensitivity in Liquid Modernity. Cambridge: Polity Press, 2013. — 218 p.
- Beck U. Risk Society Revisited: Theory, Politics and Research Programmes. *J. The Risk Society and Beyond* / B. Adam, U. Beck, J. van Loon (eds.). L.: Sage Publication, 2007. — 232 p.
- Beck U. World at Risk. Cambridge: Polity Press, 2010. — 269 p.
- Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture. Volume I: The Rise of the Network Society. Second edition. Oxford: Wiley-Blackwell, 2010. — 597 p.
- Coveney J. Food. London and New York: Routledge, 2014. — 108 p.
- Foucault M. Of Other Spaces. *J. Diacritics*, 1986. № 1. — 26 p.
- Gabaccia D. R. We are What we Eat: Ethnic Food and the Making of Americans. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2000. — 288 p.
- Gilman Ch. P. Herland and Selected Writings by Charlotte Perkins Gilman / Ed. by B. Solomon. New York: Signet, 1992. — 349 p.
- Merleau-Ponty M. Phenomenology of Perception. London: Routledge, 1945.
- Mintz S. Sweetness and Power. Viking Penguin, New York, 1985. — 320 p.
- Ritzer G. The Globalization of Nothing. Pine Thousand Oaks, CA: Forge Press, 2004. — 359 p.
- Ritzer G. The Globalization: the Essentials. Oxford: Wiley-Blackwell, 2011. — 356 p.
- Ritzer G. The Mcdonaldization of Society. Thousand Oaks, CA: Sage, 2013. — 238 p.
- Sassen S. The Global City. Princeton: Princeton University Press, 2001. — 472 p.
- Sztompka P. Cultural Trauma. The Other Face of Social Change. *J. European Journal of Social Theory*, 2000. № 3 (4). P. 449 — 466.